

83.3(2=411.2)6-8 яя

Г55

CA-401210

Е. Б. Глушаков

ВЕЛИКИЕ СУДЬБЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

СЕРЕДИНА — КОНЕЦ
XX ВЕКА

ФЛИНТА

Е.Б. Глушаков

ВЕЛИКИЕ СУДЬБЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕДИНА — КОНЕЦ XX ВЕКА

6-е издание, стереотипное

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва

Издательство «ФЛИНТА»

2023

СА-401210

СОДЕРЖАНИЕ

Простота и совершенство (предисловие)	4
Путиами добра и красоты (Михаил Васильевич Исаковский)	6
«Вася Тёркин — мой герой» (Александр Трифонович Твардовский)	79
Поэт страны молчания (Николай Михайлович Рубцов)	185
«Это я не вернулся из боя...» (Владимир Семёнович Высоцкий)	242

Простота и совершенство

Являются на свет Божий свежие дарования. И первое их ощущение, что до них в поэзии ничего стоящего не было, что они — первые, лучшие, неповторимые, а поэтому желают слово своё «спеть по-свойски, даже как лягушка». Однако из щенячьей дерзости они постепенно разрастаются, и вот уже Есенин впадает в течение гоголевского реализма, а Пастернак начинает тяготеть к поэтике Тютчева и Блока.

И вот уже русло великой русской поэзии пополняется новыми притоками. И ценность каждого из них определяется отнюдь не стилистическими изысками, но художественной правдой и единственностью авторских судеб, за которыми встаёт, вырастает лик Эпохи и образ Времени.

Поэтому слово «классика» и представляет поэзию, уже очищенную от вывихов и шероховатостей поиска, но исполненную простоты и совершенства. В этом смысле важно не предпочесть первую пробу гениального пера его последним шедеврам, что и абсурдно, и противоречит логике становления.

Поэзия Исаковского, Твардовского, Рубцова и Высоцкого прорезала своими голосами вопиющую немоту последних десятилетий Красного инквизиционного режима. Кто-то из них обманулся в советской власти, в ком-то обманулась власть, но, будучи истинными поэтами, они не смогли не стать историческим и лирическим отражением своего Часа, и не только отражением, но и его действенной, сокровенной струей.

Такова неотвратимая участь и честь поэтического слова.

Исаковский и Твардовский оказались наиболее обласканными властью, поскольку немалая толика их произведений была ей на руку. Премии, ордена, слава, почёт.

Рубцов появился значительно позже этих двух, когда советская писательская верхушка уже представляла собой хорошо организованную, сплочённую литературную мафию. Выгрызающая друг у друга премии, льготы и привилегии, поэтическая номенклатура и не думала подпустить Рубцова к государственной кормушке. Впрочем, поэт, что называется, не рвался. Иногда он даже общался с волчьей стаей — спокойно, с чувством достоинства. А на деле был глубоко ей чужд.

Попридержала бы она и Высоцкого, если бы не песенный, магнитофонный размах его успеха, никоим образом не предусмотренный советскими партийными идеологами. Слава Высоцкого вспыхнула пожаром и на шквальном ветру его хриповатого могучего голоса не только распространилась по всей стране, но и перехлестнула за её пределы. Добавил огоньку и актёрский театрально-киношный талант поэта.

Между тем вскоре наступившая смертельная агония Страны Советов уже готовила под своими обломками гибель для российской культуры. Всеобщее недоверие к «вершителям» советского искусства, его внезапно наступившая коммерциализация, казалось, довершат дело. Однако Истина, гуманистическим проводником которой является культура, неуничтожима. А значит, неубиенны и поэзия, и любовь народная к ней.

ПУТЯМИ ДОБРА И КРАСОТЫ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ИСАКОВСКИЙ

Человеческая доброта с малых лет окружала Михаила Исаковского, и оберегала, и, как некое силовое поле, вытягивала его из нищеты и болезней, из невежества и безвестности, из горестей и неудач. Сам же, слабый, стеснительный и близорукий, поэт едва ли смог бы сопротивляться жизненному напору. Увы, храбрецом не был. Слишком рано довелось ему заглянуть в глаза смерти, слишком рано понять, что за слово чуждой окраски: белой ли, чёрной ли, зелёной ли — могут, не вдаваясь в

долгие разбирательства, поставить к стенке. Понял и не захотел более рисковать.

Прирождённый эпик, выдававший себя за лирика и писавший девичьи песенки, Михаил Исаковский оказался настолько умён и осторожен, что сумел, несмотря на свою поэтическую сущность, во все века нетерпимую российскими властями, избежать сталинских застенков. Ровесник чудовищного века, своим голосом он, похоже, во всю жизнь так ни разу и не заговорил. Плачевный пример Сергея Есенина, а затем Павла Васильева и Бориса Корнилова на долгие годы отучил поэтов от душевных излияний и прямого, искреннего слова...

А ещё был Михаил Исаковский мастером эпиграммы и стихотворной пародии, однако воздерживался от публикаций в этих жанрах, но пользовался своим остроумием лишь в доверительном кругу близких друзей. Знал, что едкое и точное слово способно и обидеть, и поссорить, и расплодить немалое количество явных и тайных врагов.

Мудр, талантлив, тактичен, робок, незлобив...

Ну, а красота, она сопутствовала поэту, сопутствовала, как одно из основных качеств и свойств Божьего творения, делающее всякую вещь и всякое явление в этом мире притягательным и зовущим. Красота манила, завлекала, а доброта выравнивала и облегчала дорогу к ней...

Родился будущий поэт 7 января 1900 года в деревне Глотовке Осельской волости Ельнинского уезда Смоленской губернии. Бедная многодетная крестьянская семья. Отец — Василий Назарович, мать — Дарья Григорьевна. Из детей Миша — двенадцатый по счету. Но к моменту его появления на свет восемь братиков и сестричек уже умерли. После Миши родился ещё один — тринадцатый ребёнок.

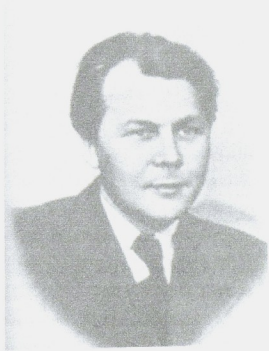
А фамилия семейства поначалу была Исаковы. Это потом усилиями старшего сына переменялась на более звучную — Исаковские. Разумеется, достатка или удачи таковое обновление в дом не принесло, зато будущему поэту, имени которого предстояло греметь по странам и континентам, несомненно, пригдилось.

Зимнее время Миша, в пору своего малолетства, проводил на печи, как и большинство его деревенских сверстников. Чтобы на улице появиться, ни подходящей одежды, ни обуви у него не было. Летом иное дело — в трусах да босиком бегай хоть целый день! Тут тебе и речка, и лес, и поле! И ягоды, и грибы!

Но иногда случалось, что, не выдержав бесконечного зимнего сидения, соскакивал мальчик с печи, выбегал из промёрзшей хаты и, в одной рубашонке, босиком по снегу, стремглав уносился к кому-нибудь из своих «летних» друзей и через несколь-

ВАСЯ ТЁРКИН — МОЙ ГЕРОЙ

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ

Столь популярного, а главное, любимого героя русская поэзия не знала. И недолгий солдатский досуг байками своими да прибаутками услаждал, и разговор душевный заводил едва ли не с каждым фронтовиком. И воевал. И автора своего затмил; и своей не то чтобы достоверностью, но полнейшей реальностью саму действительность, кажется, превзошёл.

Вот и вышло, вот и получилось, что Вася Тёркин оказался подлинным участником Великой Отечественной войны, подлинным победителем. И не по ошибке, но по заслугам среди славных имён, увенчавших беспримерный подвиг русского народа, значится. А ведь если разобраться, всего-навсего — литературный персонаж.

Трифон Гордеевич Твардовский и Мария Митрофановна Плескачевская обвенчались в 1906 году и проживали на Смоленщине, в деревне Белкино, неподалеку от имения Плескачи. В 1908-м Мария Митрофановна разрешилась первенцем Константином.

Вторым ребёнком Твардовских был Александр, родившийся 21 июня 1910 года уже на хуторе пустоши Столпово, расположенном неподалёку от деревни Загорье Починковского района, куда семья к этому времени перебралась.

ПОЭТ СТРАНЫ МОЛЧАНИЯ

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ

Немало по земле российской прошло вполне благополучных и при этом способных, даже талантливых стихотворцев. Чем они одарили нас в своих рифмованных опусах? Немеренной любовью к народу? Ничуть. Слишком уж далёк сирый народ наш от их преуспевания. А может быть, поделились ненавистью к порокам? Куда там — одно притворство, ибо всякое благополучие и состоит в угождении порокам.

И всё-таки — чем?

Нелицемерной любовью к себе, восхищением собой, своим талантом и своей элегической, ностальгической и прочей грустью. А посему творчество таковых господ вполне естественно считать апофеозом их житейского комфорта. Разумеется, встречаются у них и слезливые фантазии на тему несчастной любви, поруганной добродетели, благородного нищенства и высокого, не оцененного обществом героизма. Однако лоснящиеся физиономии таких авторов так и сияют, так и лучатся плохо скрываемым, сытым самодовольством.

Впрочем, иные простаки относятся с доверием к их словесным узорам и попадают на обман. В этом собственно заключается некое обязательное условие успеха таковых. Однако проходит некоторое время, подделка обнаруживается, и уже всем делается ясно, что созданное ими ни в коем случае не поэзия, поскольку не является свободным выплеском души,

«ЭТО Я НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ...»

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ

Литература как служение — где она? Где великое, где высокое? Где писатели, творящие прекрасное, созидающие общественную нравственность и мораль? Не на их ли месте обретается кучка бизнесменов от пера, трудящихся на потребу кармана и в услужение самым низкопробных вкусов?

Или истина онемела, или язык искусства окаменел?

Уже и слово перестало быть словом. Вышло из доверия. Уходит. Что-то вроде изгнанника.

Очень уж изощрилось во лжи, да и всякий стыд потеряло. Вместе со словом уходит и поэзия.

Бумагу же, многострадальную, продолжают изводить и мучить разве что для наполнения шкафов канцелярских, да на транспортное чтиво, да ради словесных извращений и чудачеств, чтобы изумлять легковверных простофиль. Сердце же и душу человеческую отныне зондирует не поэтическая строка, а прибор электрический, прибор точный — «Полиграф».

Последние времена! Библия характеризует их тем основным признаком, что «убудет любовь». Вот и поэзия, как наивысшее выражение любви, тоже, тоже убывает, а на своём закате опять обращается к музыке. Стихи, когда-то начинавшиеся с бардов, очевидно, и при последних конвульсиях завершатся чем-то атавистическим, древним, вроде песни, вернее сказать, её эстрад-

ной профанации, являющейся лишь поводом, чтобы, поднимая руки над головой, хлопать в такт барабанной мелодии, кричать и бесноваться.

Наступает новая эра, когда умирают слово и книга, а миром начинает править «цифирь», обозначенная не только на денежных знаках, но в полупроводниковой начинке компьютеров и умах. Уже и чувства доживают свой век. Воцаряется беспредельное, ничем не ограниченное *рацио*. Калории — вместо пищи, связи — вместо дружбы, секс — вместо любви. Даже такие простые ощущения, как «холодно» и «горячо», опережающим образом улавливаются электронными датчиками и всё менее доступны.

Комфорт физический, нравственный, духовный — всякий! А также идеал этого комфорта, обретаемый в отсутствие страданий и вообще эмоций... В смерти?

И самое прочное, самое нежное чувство, которое питает современный человек, — его привязанность к компьютеру, с которым он не расстанется ни дома, ни в дороге, ни на работе. Электрическое поле, прежде, как затаившийся враг, незримыми силовыми линиями нас окружавшее, теперь действует решительно и открыто и уже втянуло в свою перекрученную утробу едва ли не все сферы человеческого существования: производство и торговлю, знакомства и общение, теологическую проповедь и порнографический разврат...

Это *оно* через спутниковые системы, как некое небесное божество, следит за каждым нашим шагом. Более того, благодаря новейшей инженерии *оно* уже стало и нашими глазами, и нашим слухом, и нашим мозгом. А мы ещё способны слушать, но не слышим; способны смотреть, но не видим; высокопарно философствуем, но не понимаем и простейших истин. Когда-то сорванный с «Древа познания» плод почти доеден и встал поперёк горла.

Физическое, нравственное, духовное вырождение.

Впрочем, на то и последние времена, когда всё резче, всё губительней становится контраст между пороком и добродетелью,

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**